

ЛЕОНИД ФРОЛОВ

ВЕНИК

РАССКАЗ

1

Толика привезли в детский дом из приёмника-распределителя.

Тревожные глаза его говорили, что он голоден.

Да нет, какое там говорили! — они кричали, а вернее — орали, и даже не орали, а вопили, что восьмилетний белобрисенький мальчонка жутко хочет есть.

Впрочем, хочет есть — слишком приблизительно сказано. Условно сказано. И очень уж деликатно. К чёрту деликатность, когда в желудке пусто, как...

Так пусто, что и не знаешь, с чем сравнить...

Лишь тот, кто по-настоящему голодал, хронически, безнадежно, отчаянно голодал — поймёт, как может быть пусто в желудке, если ты не помнишь, когда последний раз обедал, а о таких тонкостях, как завтрак и ужин, имеешь весьма и весьма смутное представление.

Не есть хотел Толик, а жрать! Хавать он хотел, извините за выражение. Всё подряд и без разбору! Пусть бы и чёрствые сухари — лишь дайте только — тут же, как волчонок, с рукой оттяпает.

Ах, какими бывают вкусными чёрные сухари, если их намазать толстым слоем горчицы и посыпать крупной солью! Пальчики оближешь, такими они бывают вкусными!..

ФРОЛОВ Леонид Германович родился в г. Свободном Хабаровского края в 1953 году. Окончил Высшие литературные курсы Литературного института им. Горького. Автор книг "Грузчики", "Переходный возраст", пьес "Приговоренные к жизни", "В начале был грех" и др. Лауреат Всероссийского конкурса драматургов "Хрустальная роза Виктора Розова". Член Союза писателей России. Живёт в Подмосковье.

Ребята разными путями попадали в детский дом, кто из подворотен и подвалов, кто из детских комнат, кто, как Толик, из приёмника, но всех сопровождал один и тот же злой и неотступный спутник: голод. Противное чувство, что ты не насытился за завтраком, а обед не скоро и до ужина целая вечность, — полдник между ними не в счёт, — противное это чувство постоянно толкало кусочничать. И хотя кормили нас в детском доме, что называется, на убой, мы невольно ошивались возле столовой. Наши челюсти и зубы были готовы работать без устали: жевать, грызть, хрумкать. А кишки, блин, они какие-то безразмерные, рычаг, сволочи, и требуют, типа про запас, ещё чего-нибудь, ещё... Удавы ненасытные!

Инстинкт самосохранения обострился, что ли? А если инстинкт — то это, конечно, надолго. Тут уж ничего не попишешь.

Толик первым делом поинтересовался, когда у нас обед. Повёл носом, как зверёк, и спросил, где столовая. Запахи, плывущие из кухни, его тревожили. У него сразу слюнки потекли. И голова закружилась. Но до обеда, оказывается, далеко. Ещё ждать и ждать. Это очень огорчило Толика.

Старшая воспитательница мама Люба разгадала ход его мыслей. Да и гадать-то особенно нечего, тут и ежу понятно, в каком направлении думает пацан. Она нарушила заведённый распорядок. Поступившего воспитанника полагалось сперва отдраить в ванной, сменить одежду, в которой он прибыл, на новую, показать комнату, где ему предстоит жить, познакомить с ребятами. А потом уж кормёжка и всё остальное. Но мама Люба, глядя в вопящие о голоде глаза Толика, всё переиначила. Она первым делом распорядилась его накормить.

Прежде чем сесть за обеденный стол, предстояло пройти процедуру умывания. А это не так просто, как может показаться непосвященному. Поначалу не только мыть руки перед едой, но и умываться по утрам все вновь испечённые детдомовцы отглынивали, словно запрограммированные.

Не берусь объяснить, почему обитатели пыльных подвалов, чердаков и подворотен не любят плескаться в воде — пусть этим занимаются специалисты — но Толик не был исключением.

Мама Люба просекла это с полувзгляда. И отправила Толика умываться под присмотром папы Бори. А с нашим воспитателем — не забалуешь. Если вздумаешь сачковать, он бесцеремонно, с шуточками-прибауточками, сунет твою башку под кран, откроет его на всю катушку, и мощная струя воды плюс душистое мыло сделают тебя чистеньким и благоухающим, словно майская ромашка.

Пока они священнодействовали в ванной, для Толика накрыли поляну. Как полагается: первое, второе, третье. И ещё — в отдельной тарелке — салатик. Из душистого огурчика, сочного помидора и свежей хрустящей капусты. Всё соблазнительно так нарезано, заправлено рафинированным, без запаха, постным маслом “Золотая семечка” и смачно присыпано петрушкой и укропом. В хлебнице чёрные и белые ломтики — сколько хочешь.

— Ешь, милый, — сказала мама Люба.

Ага, ешь... Ну и сказанула, наша добрая и деликатная мама Люба. Будто первого такого замухрыгу принимала под своё попечительство.

Милый не ел. Он заглатывал!

Причём начал со второго блюда. На второе ему подали котлету и отварной рис. Воспитатели глазом не успели моргнуть — Толик мигом это оприходовал. И сразу же, не переведа дух, принялся за первое.

На первое был суп-лапша на курином бульоне. С супом он так же лихо расправился, как с котлетой. Для порядка хлебнул две-три ложки, потом отказался от этого утомительного занятия, схватил двумя руками тарелку, приник губами к краю и, с шумом втягивая в себя её содержимое, сделал так: фсссссыыхх!..

На всё про всё потребовалось две секунды. Ну, три — не больше. И тарелка оказалась пустой! Для верности он вылизал её языком. До блеска: мыть не надо. А когда Толик умял салат из душистого огурчика, сочного помидора и свежей капусты, заправленных рафинированным, без запаха, постным маслом “Золотая семечка” — этого вообще никто не заметил.

Однажды по телевизору показывали: в какой-то благополучной, заевшейся западной стране, на полном серьёзе, при огромном стечении зрителей, устроили соревнование, кто быстрее и больше всех слопает пирожков с яблоками. Толика там не было! Ни у кого на закраившемся Западе не осталось бы ни малейшего шанса обогнать его в поедании пирожков с яблоками. Он — точно! — попал бы в книгу Гиннеса и прославил бы матушку-Россию тем, что наши голодранцы жрут быстрее всех в мире!..

На третье был компот. То есть его уже не было, когда Лена, самая молодая из воспитательниц, всего неделю назад поступившая на работу в детский дом, всплеснув руками, выдохнула:

— Господи... Неужели в приёмнике не кормят?..

Она это как бы и не для Толика сказала. Но он тут же простодушно откликнулся:

— Почему не кормят?.. Кормят... Только старшие всё, что повкуснее, отбирают...

И, цапнув из хлебницы последний кусок душистого чёрного хлеба, отправил его в рот, озираясь, типа нет ли поблизости тех самых пацанов, которые отбирают у мелюзги самые лакомые кусочки. У нас таких не было. Но он-то ещё этого не знал. Икнув, Толик спросил озабоченно, будут ли его кормить обедом.

— Конечно, — поспешила успокоить его мама Люба. — Пообедаешь вместе с ребятами.

До обеда Толику показали его комнату, он стал четвёртым её обитателем. И двухъярусную кровать. Как раз верхнее место пустовало, он и хотел спать на втором этаже. В игровой комнате Толик, пересмотрев все игрушки, вцепился в плюшевого зайца и попросил маму Любу, чтобы заяц стал его навсегда. Наша общая мама объяснила ему, что он может играть любой игрушкой, какой захочет, по очереди с ребятами, у нас всё общее.

— Да, — согласился он. — Игрушками по очереди. Но зайчик пусть будет только моим...

Желание необычное, ребята, как правило, тянулись к машинкам. Мама Люба не стала возражать. Хорошо, сказала она, бери зайчика себе. Толик тут же побежал в спальню и заботливо уложил зайца на своей подушке. Горе было тому, кто этого зайчишку брал в руки без разрешения Толика. Что он нашёл в этой простенькой игрушке, мягком серёньком зайце?

Толик был очень возбуждён и словоохотлив, наверно, от того, что попал в доброжелательную атмосферу, в дом, где царили спокойствие и уют, а его сразу накормили, одарили и, если не обманывают, обещали дать второй обед.

Однако прежде всё-таки предстояло принять ванну. И как Толик ни верещал, отвергнется ему не удалось: папа Боря отдраил его за милую душу. Толик появился из ванной беленький, с сияющими голубыми глазёнками — одно слово, херувимчик.

Но мы скоро узнали, что этот херувимчик та ещё птичка. В детском доме ничего не скроешь. Да он и не скрывал. За его спиной шлейф таких историй тянулся — иному на несколько жизней хватит, а то и с лихвой. До трёх лет он рос в обычной среднестатистической семье: отец — строитель, мать работала оператором на почтамте, ну и он, Толик, заласканный любимец счастливых родителей. В общем — ни тучки, ни облачка на их семейном небосклоне. Но отцу Толика взбренило заняться строительным бизнесом. Как это обычно бывает на диком российском рынке — лучший друг его подставил, он по уши погряз в долгах, всё кончилось так, как обычно в нашей стране происходило — отца Толика убили. В автомобиле взорвали. Причём на глазах у матери Толика, извервы. Судя по всему, бизнес-то был не ахти какой хлебный, иначе бы семья не жила в коммуналке. Правда, это были две больших комнаты, неподалёку от Елоховской церкви, а точнее, рядом со старым рынком на Басманной; одно из окон прямо на торговые ряды выходило.

И кончилась безмятежная семейная жизнь. Мать Толика зашла с горя. На неё посыпались болезни, как из рога изобилия. Давление, язва желудка,

порок сердца. Через четыре года она была уже инвалидом второй группы. А Толик выросал на Басманном рынке, смышленным рос парнишкой, шустрым, воры-форточники быстро его к делу приспособили. В скольких кражах он участвовал — этого даже милиция не знает. Но в форточке он проникал ловко и без всякого труда. Несколько дел официально числятся в его активе. Заработанные сомнительным детским трудом деньги Толик отдавал матери. А та их пропивала, мучаясь от стыда перед малолеткой-сыном.

Они были беззаветно привязаны друг к другу, мать и сын — этого у них не отнимешь. Даже когда мать лишили родительских прав — попробовали бы вы сказать Толику, что она горькая пьянчужка и не заботится о нём. Он не то чтобы в драку полез, горло перегрыз бы за такие слова о самом дорогом для него человеке. Но финал их семейной жизни оказался безрадостным: Толик стал скитаться по приютам и детским приёмникам, откуда периодически убегал домой, а мать, лишённая прав на сына, покорно отдавала его в суровые руки закона, когда этот закон являлся за её ребёнком в милицейской форме. Такой вот херувимчик этот белобрысенький парнишка, попавший к нам в детский дом. В нашу “семью”. Толику повезло, что после долгих мытарств его именно сюда направили. Не успело засосать криминальное болото.

Ещё нам стало известно, что у Толика дома есть собака и кошка. Кошку, естественно, зовут Мурка, а собаку — Тузик.

Обед, в общем-то, был не за горами. Толик сел за общий стол и ревностно следил, чтобы его порции были не меньше, чем у остальных ребят. Никто и не помышлял обделять недавно победившего мальчугана.

— Ешь, не торопись, — сказала мама Люба. — Спешить некуда. Никто за тобой не гонится.

Понятное дело, никто за ним не гнался. Но хорошо жевать и спокойно проглатывать пищу — это было выше его сил. Едва мама Люба упустила Толика из поля зрения, он отложил ложку в сторону, прильнул губами к тарелке, все услышали знакомый всасывающий звук — фсссссыыхх!.. — и суп из тарелки словно испарился. А он уже принялся за второе, и ни у кого на свете не было такой стремительной реакции, чтобы остановить Толика. Оставалось разделаться с компотом и бананом. Компот он выпил в два глотка, а банан оставил про запас.

После обеда все отправились в игровую, а Толик шмыгнул в спальню, забрался к себе на второй ярус и стал умирать от рези в животе. Но умирая, не забывал про банан, со стоном впихивал его в рот, правда, очистив от кожуры. Ванька Богачёв, спасибо ему за любопытство, услышал стонания новичка, заглянул в комнату и, увидев, что Толик корчится от боли, позвал воспитателей.

Возник переполох. Толика отнесли в медкабинет. Нашего врача, дяди Славы, как на грех, уже не было. Вокруг Толика сгрудились воспитатели.

— Что у тебя болит, малыш? — побледнев от испуга, тревожилась мама Люба.

Толик мычал что-то невразумительное, поджимая ноги к животу. И тоже бледнел. Как мама Люба. Ещё даже сильнее бледнел. А папа Боря уже вызвал “Скорую помощь”.

— Да вы же его обкормили, — сердито напустилась на воспитателей врач “скорой”, осмотрев Толика. — Пощупайте его живот... Это ведь камеломоня! Вы что, до заворота кишок собирались пичкать парня?!

— Пожалели мы его... Он был так голоден... — оправдывалась мама Люба.

— Жалеть надо с умом, — негодовала врач, хлопоча над Толиком. — Не всякая жалость на пользу...

В общем, всадила она Толику укол, поставила клизму: Толика вырвало, пронесло, и жизнь снова плеснула на его щёки розовую краску.

— Банан жалко, — сказал Толик, сокрушаясь. — Лучше бы я его теперь съел. Дождался бы, когда стошнило... И съел бы...

— Будет тебе и банан, и апельсин, а воспитателям твоим порция ремня, — ворчала врач.

Она оказалась хорошей тёткой, а бурчала для вида. Полная, энергичная, громогласная, она ещё побывала у нас, пока Толик очухивался. Ей показали нашу обитель. Ей понравилось. Мама Люба угостила её чаем с бутербродами. Она засмеялась, типа, хотите, чтобы и я, как ваш Толик, слабительное потом принимала. Не теряя время даром, врачиха собрала персонал и ребят, прочитала целую лекцию, как нужно правильно питаться. Прежде чем распрощаться, она строго-настрого наказала ничего за ужином Толику не давать, кроме манной каши, сладкой, но жидкой.

— Банан жалко, — опять вспомнил Толик о напрасно пропавшем лакомстве.

— Тимуровцы, — покачав головой, констатировал папа Боря, поочередно оглядывая то маму Любу, то наших молодых воспитательниц Лену и Таню.

Это было универсальное и многоцелевое слово — тимуровцы. Употреблял он его по самым разным поводам, и по интонации обычно все понимали, в осуждение оно произнесено или, напротив, как похвала.

— А кто они такие, эти тимуровцы? — однажды спросили мы папу Борю.

— Тимуровцы — это те, которые ничего не умеют, но за всё берутся из лучших побуждений.

Потом два дня подряд во время тихого часа он читал нам книгу о Тимуре и его команде. Гайдар написал. Не тот, который, с одной стороны, страну до нищеты довёл, а с другой — миллионеров расплодил, а писатель Гайдар, его дед. Он-то с буржуями воевал, только в прошлое время. Книга про Тимура забавная. Да и слушать интереснее, чем спать. Правда, мы хихикали, когда папа Боря читал нам те места, где говорилось про Мишку Квакина. По нынешним понятиям Мишка — авторитет, но он какой-то придуманный. У нас в детском доме таких Квакиных... не сосчитать!

Короче, папа Боря сказал — тимуровцы — и в этот раз слово звучало как укор. Действительно, надо же было так Толика перекармливать, до обморочных глюков!

Таким был первый день его пребывания в нашей семье. К вечеру он уже вместе со всеми носился во дворе.

А через три дня мама Люба нашла у него под матрацем целый склад хлебных корок: на чёрный день собирал. На всякий случай...

Мама Люба, конечно, и не подумала его ругать. Да и за что? Она просто предложила отнести сухари на кухню. А когда он захочет чего-нибудь вкусенького, пусть подойдёт и скажет. Мама Люба покормит.

Сухари заняли своё место на кухне. И Толик тут же решил проверить, правдиво ли обещание мамы Любы. Насчёт вкусенького.

— Можно мне горбушечку чёрного хлеба?... С маслом, — отчаянно облизываясь, попросил он.

Мама Люба вздохнула, вспомнив историю с вызовом “скорой”. Но отказать не смогла. Иначе бы навсегда лишилась доверия своего ненасытного воспитанника. И Толик получил из рук нашей старшей воспитательницы вожделенную горбушечку, густо намазанную сливочным вологодским маслом, а уж солью сверху он сам посыпал.

Формально Толик числился во втором классе. Учебный год близился к финишу. Толик уже сменил две школы, где занимался спустя рукава. В его знаниях зияли такие дыры, что в детском доме решили оставить Толика во втором классе на второй год. До осени ему светило заниматься по индивидуальной программе с нашей учительницей Еленой Тимуровной, повторяя программу первого класса, который он окончил с грехом пополам. Он едва умел читать по складам, писал, как курица лапой, зато математическими способностями поражал всех.

Но это были своеобразные способности. Даже более чем... Абстрактно мыслить он не научился. У него всё было конкретно. По жизни. Бывало, спросит: Толик, сколько будет четыре плюс шесть? Он беспомощно морщит лоб, не в состоянии дать правильный ответ. Но если вопрос поставить иначе: Толик, если тебе дать шесть рублей и ещё четыре, сколько денег у тебя

будет? Чирик, мгновенно соображал он. То есть десять рублей. Как у него ворочались мозги — тайна, покрытая мраком неизвестности.

Цены на продукты он знал не хуже опытного снабженца. Как-то с утра пораньше папа Боря взял его в магазин, приучая помогать по хозяйству. Возвращаются нагруженные сумками с покупками, папа Боря качает головой, смеётся. Что, смешинка в рот попала, папа Боря?

— Да ещё какая, — говорит наш воспитатель. — Пока я покупал овощи и фрукты, наш Толик ознакомился с ценами на спиртное. А ознакомившись, кричит мне на весь магазин: папа Боря, кричит, а у нас на Басманной водка стоит дешевле, чем здесь... И пиво здесь дороже... Смех и грех...

— Грех — да... — нахмурившись, перебила мама Люба. — А смех?... Не вижу ничего смешного.

— Ну как же, — прикалывается папа Боря. — Весь честной народ, кто был в магазине, уставился на меня. С осуждением. Что это за папа такой, чей сын, от горшка два вершка, а уже знает, где выгоднее водку приобретать... Очень смешно...

— Правду я вам говорю... У нас на Басманной водка дешевле, — вставил Толик с невинным видом, не понимая, что "не в теме". — Я не вру.

— Хорошо, хорошо, — сказала мама Люба. — Мы тебе верим.

Она отправила Толика вместе с нами в игровую комнату, а когда мы вышли, попеняла папе Боре, что он легкомысленно относится к воспитанию Толика. У мальчишки голова забита мусором, ему мозги надо промывать, а не смеяться над его глупыми высказываниями, поощряя тем самым к...

Больше мы ничего не услышали, кто-то из воспитателей плотно закрыл дверь в коридор.

Получив бесценное уличное образование, поскитавшись по приютам и приёмникам, Толик накопил богатый опыт для того, чтобы выживать среди таких же, как он, охламонов. В этой среде, а другой он и не знал, Толик выстраивал отношения, руководствуясь неписанным кодексом юных бродяжек. Этот кодекс гласит: по возможности избегать конфликтов, на рожон не лезть, знать своё место — ещё многим премудростям научила его суровая жизнь.

В детском доме он следовал усвоенным урокам, ни с кем из ребят особо не сближался, держал дистанцию, но и не чурался общения. И в обиду, конечно, себя не давал. В общем, быстро освоился в новом для себя быту, который его вполне устраивал.

Ему заметно не хватало материнской ласки, и он тянулся к маме Любе. Просыпался утром раньше всех ребят, когда мама Люба уже хлопотала на кухне, готовя завтрак, и спешил ей в помощники. Расставить на столе тарелки, разложить вилки и ложки, нарезать хлеб — это было его любимым занятием.

Он знал меню на весь день. Естественно, завтрак Толик получал первым, а когда наш народ появлялся в столовой, он, уже насытившийся, жмурился, как котёнок, и ластился к маме Любе. Молодых воспитательниц Лену и Таню он обожал. Едва они являлись на свои смены, прилипал к ним и следовал за ними по пятам, как приклеенный. И вообще, его тянуло к взрослым.

От родного дома Толик был отлучён уже несколько месяцев. Это его удручало. Наша старшая воспитательница разрешила ему звонить иногда по вечерам маме. Толик был в шоке, не веря своему счастью: в приёмниках-распределителях общаться с матерями и отцами, лишёнными родительских прав, категорически запрещали. Ну, пьют родители, но это же их болезнь, беда, и болезнь вовсе не означает, что из-за неё сын должен отказываться от своей матери.

Толик весь светился от радости, впервые за долгое время услышав материнский голос. Пусть по телефону, но он по этой причине не казался ему менее близким. Судя по тому, как они тараторили, перебивая друг друга, мать тоже несказанно обрадовалась торопливому голосу сына. Он захлёбываясь спрашивал о Мурке и Тузике, о приятелях по двору, о здоровье мамки. Глазёнки у него блестели, как бусинки. Закончив разговор, он загрузил.

— Мамка, глупая, квасит, — сказал он, вздыхая, совсем как взрослый, придавленный житейскими проблемами человек. — Ей нельзя пить. Она же вся больная...

Мама Люба прижала к своей груди его хрупкое тельце. Гладит ершистый ёжик, успокаивает:

— Всё у тебя устроится. Мама твоя поправится, ты вернёшься к ней. Опять заживёте вместе.

Толик приник к воспитательнице и, догадываясь, что сейчас у неё можно просить что угодно — она всё ради него сделает — сказал, молитвенно скрестив руки, можно ли ему навестить маму. Деловой, ничего не скажешь. Своего не упустит.

— Можно, — ответила она. — Я поговорю с директором. Думаю, она разрешит.

Толик тут же объявил мне, что возьмёт меня в гости как друга, и я увижу, какая у него классная кошка Мурка и дрессированный Тузик.

2

Это было что-то с чем-то: воспитанник отпрашивается в гости к маме, лишённой родительских прав. Впервые в практике нашего детского дома, а может, и всех детских домов на территории страны. Уж не знаю, что думают по этому поводу чиновники по детству и светила науки, но для всех — и воспитателей, и нашей братии — событие это казалось из ряда вон выходящим. К маме Любе потянулись с вопросами ребята — можно ли им тоже встречаться с родителями. Не все, конечно, желали видеть своих забубённых папашек и мамок, но многие об этом мечтали. И вот мечты начали осуществляться.

Толик опять оказался в центре внимания, как и в случае с перееданием. Нельзя же идти в гости к маме с пустыми руками. Мама Люба собрала два пакета гостинцев. Там были яблоки, нектарины, сливы, пара лимонов, сыр, масло, печенье в пачках, чай байховый и зелёный, сгущёнка и ещё много всякой вкуснятины, что именно — не помню за давностью времени.

Всё это нёс папа Боря, который сопровождал Толика, так и светившего изнутри. Меня отпустили за компанию с ним. Как любителя животных, ну, и ещё, наверно, из каких-то воспитательных соображений, каких — мне не объяснили.

На троллейбусе пятнадцать минут езды до Бауманской, где, по уверению моего корешка, водка дешевле, чем у нас на Покровке. Там мы направились через Басманный рынок к дому Толика. Он крутил головой по сторонам, высматривая знакомых.

Мигом подтвердилось, что Толик местная достопримечательность. Едва мы сделали несколько шагов, нас остановил весёлый оклик:

— Толик!

Заросший, чернобородый сапожник, высунувшись из своей будки, энергично размахивал рукой, в которой держал дамскую босоножку. То есть, правильнее сказать, он босоножкой махал, привлекая к себе внимание.

— Миша!..

Толик бросился в объятия сапожника. На вид это был армянин, а возможно, азербайджанец, словом, лицо кавказской национальности лет пятидесяти. Они, оказывается, давние приятели и обращаются друг к другу на “ты”.

Посыпались расспросы.

Главным образом спрашивал Миша, а Толик сбивчиво рассказывал о своём житье-бытье. Он ведь домой торопился. К маме. Миша сунул в карман Толика деньги.

— Я маме отдам... — сказал Толик, вопросительно глядя на папу Борю.

Тот лишь головой кивнул. Толик по-своейски распрощался с Мишей. Мы пошли дальше. И сразу Толика остановила продавщица табачного киоска, рыхлая тётка с прокуренным голосом. Потом его позвали к пивной палатке, потом ещё кто-то с ним заговорил. И все впаривали ему деньги, ском-

канные бумажки, прилично у него набралось, а он каждый раз повторял, что отнесёт всё маме. Наконец вокруг нас сомкнулось кольцо шпанят, приятелей Толика по рынку и подворотням, и в их сопровождении мы дошли до нужного нам подъезда.

Вдоль ободранных стен, по обшарпанной лестнице добрались до третьего этажа. Позвонили в квартиру Толика.

Дверь открыла взлохмаченная старуха в распахнутом халате, демонстрируя застиранную ночную рубашку. Явно с крепкого бодуна. Впрочем, может, уже успевшая опохмелиться.

— Здрасьте, Тётсим! — вывалил Толик, ринувшись в глубину коридора.

— Вера, встречай! К тебе гости, — крикнула старуха прокуренным и прошитым голосом.

Из дальней комнаты вышла высокая худая женщина.

Толик бросился ей на шею, едва не сбив с ног. Вокруг них, повизгивая, юлой вертелась собачонка, явно беспородного происхождения.

— Узнал, Тузик, узнал! — верещал Толик.

Осыпав поцелуями лицо мамы, он высвободился из её рук и поцеловал ликующего Тузика в мокрый нос.

Суетясь, он затаячил нас в комнату, где почти не осталось следов прошлого уюта. Тахта, шкаф, обеденный стол, он же письменный, пара стульев, ветхое кресло с обгрызенными собакой ножками, тюль на окне — вот и всё убранство. Вторую комнату мать Толика сдавала в аренду. Этим и жила. Ей было лет тридцать. Может, чуть больше. Но выглядела она гораздо старше. Худая, кожа да кости. Лицо изнурено болезнями и алкоголем. Она надсадно кашляла от постоянного курения. Глаза женщины, заполыхавшие от встречи с сыном, устало потухли через минуту.

А Толик в возбуждении говорил без умолку, перескакивая с одного на другое.

— Это моя мама... это папа Боря... наш воспитатель... а Ява — мой новый друг... мам, ты сегодня уже гуляла с Тузиком?... не, забывай с ним гулять утром и вечером... где Мурка?... под диван, небось, забралась... она боится незнакомых людей...

Он полез под диван и выудил оттуда рыжую напуганную кошку.

— Красивая, да? — спросил он. — Она ласковая... Ей только привыкнуть к вам надо... А Тузик умный... Показать? Тузик, служи!..

— Оставь их в покое, — попросила его мама. — Расскажи мне лучше, как ты живёшь?

Теперь хорошо он живёт. В детском доме не то, что в приёмнике.

— Знаешь, как он называется? “Наша семья”, — он спохватился. —

Я тебе гостинцев принёс... Мы принесли... Мама Люба собирала... И Тузику... Ему кости. А Мурке — хиле... Но сразу много не давай... Животы заботят...

Он принялся выкладывать на стол содержимое пакетов. Мама Люба, молодчина, постаралась. Она догадывалась, куда мы идём. Повидала такие семьи. Тут и ясновидящей не надо быть. Как в воду глядела наша воспитательница: в этом доме шаром покати. Даже хлеба нет, а хлеб-то мы как раз и не взяли.

— Я хотела испечь для тебя пирог... Не успела, — неловко оправдывалась женщина.

— И не надо... Тут всего полно... Ты обязательно ешь... — наставлял Толик мать. — Вон ты какая худющая... А водку не пей... Тебе вредно...

Он вспомнил о деньгах, которыми разжился на рынке. Выгреб из кармана всё до последней копейки и отдал матери, опять предупредив, чтобы она только на водку не тратилась.

— Да, конечно, конечно... Не буду...

— Ты у меня хорошая... Я больше бы денег достал, если бы встретил Серого, — похвастал Толик. — Он бы для меня не пожалел. Но пацаны сказали, что его замели... Ну, посадили...

— Вот и хорошо... Я в том смысле, что тебе не нужно с такими общаться. Это до добра не доведёт... Ты пока не понимаешь...

— Всё понимаю... Не маленький...

Ему не сиделось на месте. Он то кошку и псину принимался кормить, то маме подсовывал фрукты. Мы им не мешали. Просто они не обращали на нас внимания.

— Пока вы общаетесь, мы погуляем, — сказал папа Боря.

Мы оставили их вдвоём. Вообще-то четвером, считая Мурку и Тузика.

Вышли на улицу и просто гуляли с папой Борей. Молча глазели на прохожих. Он угостил меня мороженым. Потом купили хлеб и вернулись к Толику и его маме.

Нам открыла та же взлохмаченная соседка в распахнутом халате, тётя Сима. Вот теперь, точняк, она уже успела опохмелиться.

Мы прошли по длинному коридору к дальней комнате, дверь которой была приоткрыта. И увидели трогательную, незабываемую картину. Худая женщина с измождённым лицом расположилась в кресле. У неё на коленях, задремав, притулился наш Толик. На его коленях кемарит рыжая Мурка. А на полу, у ног хозяев, умильно распластался Тузик, положив вислоухую голову на лапы.

Увидев нас, верный пёс зашёлся заливистым лаем.

Когда мы уходили, Толик, целуя мать, чуть не разрыдался. На глазах у него выступили слёзы. Но он не позволил себе заплакать, чтобы не расстраивать мать. Изо всех сил держался. Мне тоже хотелось зареветь. Но Улица научила нас не распускать нюни.

3

Детский дом к тому времени насчитывал всего несколько месяцев со дня открытия и находился ещё в стадии формирования. Воспитанников числилось немногим больше сорока, мальчишек и девчонок от трёх до десяти лет. Наступило первое лето нашей семьи. Стало известно, что нас отправят в оздоровительный лагерь на Черное море. Он находился в Херсонской области на окраине небольшого городка Скадовска.

Воспитатели это известие приняли в штыки. Детдомовский врач, дядя Слава, хватался за голову. Обычно невозмутимый тридцатилетний меланхолик бурно выражал своё негодование.

— Нельзя туда посылать детей! Это идиотизм, граничащий с преступлением, — возмущался он. — У меня одна половина необследованных, а большинство обследованных метеозависимы и напичканы болячками. Им противопоказана резкая смена климата.

Мама Люба и дядя Слава убеждали директрису отказаться от вредоносной идеи ехать на ненужный нам знойный юг. Но та только руками разводила от бессилия: решение принято высоким начальством, и отменять его никто не станет.

— Тимуровцы, — цедил сквозь зубы папа Боря. И это звучало как ругательство.

— Ты представляешь, какой это будет оздоровительный отдых? — спрашивал дядя Слава нашего воспитателя.

— Да уж, — отвечал папа Боря. — Представляю...

Короче, нам приказали быть счастливыми. А у нас приказы полагается исполнять. Директриса осталась в Москве, чтобы продолжать приём новых воспитанников, а мы покатали к морю.

Нас отправили на поезде. Мы заняли плацкартный вагон. Он был замызган, как подворотня, где ночевали бомжи. Старшая воспитательница мама Люба ввела железную дисциплину: по вагону не шастать, после туалета мыть руки, перед едой и после еды тоже. Воспитатели не спускали с нас глаз. И всё-таки врач дядя Слава без работы не остался: двое умудрились обдирать, хлебнув воды из бачка, что мама Люба категорически запрещала делать. Как раз на самой границе. Между Россией и Украиной. Может, поэтому пограничники не стали особо придираться, найдя нарушения

с документами. Не у всех ребят были оформлены свидетельства о рождении. Их так и отправили, без свидетельств. Второпях или по халатности. Тимуровцы...

Если не брать во внимание двух обдристанных, до Херсона мы добрались вполне благополучно. От вокзала до лагеря предстояло трястись в автобусе. Несколько часов езды по пыльной дороге. Не менее изнурительная поездка, чем в грязном вагоне. Но и это испытание мы, слава Богу, преодолели.

В мире нет зрелища унылее, чем Киевский вокзал, подметил Исаак Бабель в одна тысяча девятьсот семнадцатом году. Наивный Бабель. Он не видел оздоровительного лагеря в Скадовске на берегу Черного моря в одна тысяча девятьсот девяносто шестом. Вот зрелище так зрелище! Скорее отвратительное, чем унылое. Отвратительно-унылое зрелище.

Мама Люба, дядя Слава и папа Боря обошли корпус, в котором нам предстояло жить полтора месяца, осмотрели палаты — и лица у них стали совсем суровыми. Тот же вагон, только в увеличенном в несколько раз масштабе. Окна не закрываются по причине отсутствия шпингалетов. Штор нет. Стены наспех замалёваны краской какого-то немыслимого цвета. В природе существует семь цветов, а в этом лагере ухитрились создать восьмой, которому нет названия, смешав все цвета, существующие в природе. Полы... по ним лучше не ходить босиком, если не горюшь желанием занозить ступни. Кровати такие, что давно пора сдать в музей. Времени Очакова и покоренья Крыма были эти кровати. Вода в душевой только холодная, её дают всего на один час до завтрака и ещё на один после ужина, но нередко и эту холодную воду отключают. Из экономии. А зачем душ, если море в двух шагах? Неотразимая логика.

— Да-а... Это ещё хуже, чем я ожидала, — невольно вырвалось у мамы Любы.

Ребята тоже всё прекрасно понимали. Мы, уже вжившиеся в домашнюю атмосферу нашей семьи, видели, что детский дом и этот лагерь — две большие разницы, как небо и преисподняя.

Единственное, что внушало доверие, это высокий решетчатый металлический забор, сквозь который невозможно было проникнуть на запущенную территорию. Да никому это и на фиг не надо.

Воспитатели принялись приводить помещение в божеский вид, ребята, кто постарше, им помогали в меру своих возможностей. Мама Люба вступила в конфликт с заведующей лагерем и завхозом, требуя от них всё, что полагается её детям для нормальных бытовых условий.

Заведующая, давно познавшая сладость безответственного времени, когда личное семимильными шагами бежит впереди общественного, пообещала кое-что посмотреть на складе.

— Нет, не кое-что! — отрезала мама Люба непреклонно. — Вы дадите нам всё необходимое... А вообще-то я потребую, чтобы нас перевели в другой лагерь, где для детского отдыха созданы человеческие условия...

— А вот это вряд ли у вас выйдет, — усмехнулась заведующая. — Вы что, не понимаете, какие деньги крутятся в этом вопросе? И чем они пахнут...

— Деньги не в вопросе крутятся, а в ваших карманах, — внёс поправку папа Боря. — А то, что они не пахнут — это нам давно известно.

— Не будем разводить дебаты, — миролюбиво сказала заведующая. — Давайте попробуем жить мирно.

Завхоз, Клавдия Семёновна, оказалась женщиной с понятием. Улучив момент, она шепнула маме Любе, чтобы та не слезала с заведующей: на складе можно найти почти всё, что нам нужно.

В общем, в экстремальных условиях начался отдых нашей семьи на юге. Как и предвидел дядя Слава, большинство из нас переболело. Воспитатели не исключение. Но если ребятам стоило только кашлянуть, им тут же вменялся постельный режим, то воспитатели не имели возможности отлеживаться и свои хвори переносили на ногах. Теперь, спустя годы, начинаешь понимать, что не один год жизни отняло у них то весёленькое лето.

Благодаря им никто из нас не утонул, потому что самовольный доступ к морю был перекрыт. Никто не отравился в столовой, потому что мама Люба самолично трижды в день проверяла состояние пищеблока и чистоту посуды. Никто не получил солнечного удара, потому что все ходили в панاماх, и стоило оголить голову, как следовал окрик водрузить панаму на положенное для неё место. Когда они спали, наши наставники — одному Богу известно.

Дядя Слава ещё в Москве запасся лекарствами, которых хватило бы на целую аптеку. Но они таяли день ото дня, и он тревожился, что больных скоро нечем будет лечить. На лагерный медпункт рассчитывать не приходилось. В нём, кроме анальгина, йода, зелёнки и мух, ничего не было.

Толик оказался одним из немногих, кто ни разу не чихнул до последнего дня навязанного нам отдыха. Он никому не доставлял особых хлопот. Жил в том же ритме, который установил для себя, переступив порог детдома. Вставал раньше всех и вместе с мамой Любой отправлялся на кухню, контролировать приготовление завтрака и проверять, тщательно ли вымыта у посуда. Этот маршрут он проделывал ещё трижды: перед обедом, полдником и ужином. А в промежутках плескался в море, гонял мяч, занимался с Еленой Тимуровной по программе первого класса. И ходил на склад, в гости к Клавдии Семёновне. Он с ней подружился с первых дней. Деловой чувачок, знал, где полакомиться. Клавдия Семёновна баловала его такими деликатесами, как бесподобное украинское сало домашнего приготовления, которое тает во рту.

Накануне отъезда, днём, всё было как обычно: Толик азартно играл в футбол. Но после обеда вдруг скис, жадуясь на головную боль. Дядя Слава его осмотрел, дал лекарство и велел лежать в постели. Ужин ему принесли в палату. От еды он отказался. Принял лекарство и забылся в дрёме.

А к ночи у Толика подскочила температура. Вот тебе и на! Не болел, не болел, а перед самым отъездом — ну, не закон ли подлости! — слетел с катушек, пополнив лазарет своим присутствием.

— Плохо дело, — негромко сказал дядя Слава, показывая маме Любе градусник.

Мама Люба перепугалась: ртутный столбик уже к сорока градусам подбирался.

— Нужно сбить температуру, а у меня только свечи остались, — объяснил дядя Слава.

Толика, хоть он и ослабел, возмутила процедура со свечами. Никакие уговоры на него не подействовали. Он собрал те силёнки, какие у него ещё были, стал отчаянно брыкаться, кричал истошным голосом — во всех палатах слышали — и поставить ему свечу так и не удалось. Только хуже себе наделал. Температура медленно, но неуклонно ползла, зашкалив за сорок.

— Вызывайте “скорую”, — тревожно распорядился дядя Слава.

Молодая воспитательница Татьяна побежала в административное здание, где дежурил сторож, чтобы позвонить в “Скорую помощь”, которая находилась в Скадовске.

Дядя Слава спросил, есть ли водка. Запасливая мама Люба держала водку для профилактических нужд. Как испытанное народное средство. Она принесла бутылку. Дядя Слава растёр тело Толика водкой и принялся размахивать над ним полотенцем, пытаясь сбить температуру. Вскоре с него пот лил градом. Задыхаясь, он передал полотенце папе Боре. Они поочередно сменяли друг друга.

Вернулась Татьяна и сообщила, что “скорая” не может приехать, машины стоят без бензина, раньше утра ничего не обещают.

— Раньше утра!.. — возмутился дядя Слава. — С ума они сошли, что ли?! До утра дожить надо...

Он опять натёр Толика водкой, и опять поочередно с папой Борей они орудовали над ним полотенцем.

Явилась сонная медсестра, дежурившая в медпункте.

— Инфекцию парень подхватил... Антибиотик нужен! — крикнул ей дядя Слава.

— Нету, доктор, — пролепетала она.

— Ни хрена у вас нету! Тогда на кой чёрт вы здесь нужны?!

Медсестра помолчала и робко посоветовала обратиться в санаторий, что за забором через дорогу.

— У них должно быть, — сказала она. — И врач всегда дежурит. Только мы с ними не дружим. Вам самому нужно идти. Вы, как врач с врачом, договоритесь...

— А если и у них нет? — усомнился папа Боря.

— Должно быть, — упрямо повторила медсестра.

— Нужно рискнуть, — решил дядя Слава. — Может, повезёт. На наше счастье.

— Ты представляешь, сколько времени будешь ходить? — спросил папа Боря. — От проходной до проходной километра два. Не меньше... Туда и обратно, считай, четыре... Если напрямую попробовать?... Через забор...

Он скептическим взглядом окинул далеко не спортивную фигуру врача.

— Через забор — это сколько?

— Метров пятьсот.

— Рванули, — не раздумывая, приказал дядя Слава. — Ты меня подстрахуешь...

Он передал полотенце медсестре и распорядился обмахивать Толика, не останавливаясь ни на секунду. И этот уже грузнеющий меланхолик, сроду не перепрыгнувший через две ступеньки, всегда ходивший размеренным шагом, устремился к забору с такой прытью, что папа Боря едва за ним поспевал.

Они перемахнули забор и через минуту очутились в главном корпусе санатория. Разыскали дежурившую женщину-врача. Дядя Слава перевёл дух и объяснил, что им надо. Да, сказала врач санатория, у них есть такой препарат, но осталась только одна упаковка, она бережёт её на крайний случай, в Скадовске такое лекарство не достать. Толик — это и есть крайний случай! Самый крайний... Дядя Слава клятвенно заверил, что, вернувшись в Москву, вышлет сразу две упаковки в обмен на две ампулы. На том и договорились.

Назад они устремились тем же путём. Но теперь с преодолением забора случилась загвоздка. Доктор не рассчитал своих возможностей. Он вскарабкался по железным прутьям с помощью папы Бори и зацепился штаниной широких шорт за металлический наконечник. Висит на нём беспомощно, размахивает руками, как большая птица крыльями.

— Ну, чего рот разинул? Тяни меня, — понукнул он папу Борю.

Раздался треск рвущейся материи.

— Конец шортам, — сказал папа Боря.

— Плевать!.. — доктор ошупал карман. — Главное, ампулы целы... Скорее, скорее...

Толик тяжело дышал, когда они вернулись. Тело его пылало огнём. Губы пересохли.

— Веник, — прошептал он одними губами. — Веник не забудьте...

— Молчи, — приказал дядя Слава. — Молчи... И потерпи... Сейчас я тебя уколою — и всё будет в порядке...

— Веник...

Дядя Слава сделал Толику укол. Он всё порывался куда-то бежать.

Воспитатели не отходили от постели мальчика. Местная медсестра тут же маячила.

Толик уснул. Вскоре температура стала спадать.

— Это хорошо, — устало сказал дядя Слава. — То, что ему требуется.

— Господи, помоги, — перекрестилась мама Люба.

— Всё будет хорошо, — повторил дядя Слава. — Идите спать. Завтра отъезд... Вернее, уже сегодня... Трудный предстоит день... Ступайте, а я подежурю...

Женщины разошлись. Папа Боря остался с дядей Славой.

— Пойдём покурим, — предложил доктор.

— Ты же не куришь... — удивился папа Боря.

— Не курю, — хмурясь, ответил дядя Слава. — Но теперь надо... Пошли... хватит трепаться...

Они вышли в коридор. Распахнули окно. И лишь теперь услышали, как в южной звёздной ночи распевают, резвясь, цикады. Молча закурили.

— Слушай, а чего это мы ломанули через забор? — спросил папа Боря. — Шорты твои угробили... Могли бы по-людски... По дороге.

Дядя Слава покачал головой.

— Понимаешь, счёт шёл на минуты, — сказал он. — И даже меньше... Не дай Бог, у мальчишки начались бы судороги... Температура уже предельная была... Страшно подумать, чем могло кончиться... Потеряли бы пацана...

Папа Боря глубоко и нервно затаился, только теперь осознав, из какой опасной ситуации они только что выкарабкались. А рваные шорты — это же сущий пустяк.

— Выходит, ты его почти с того света вытащил, — сказал он.

Врач не ответил. Он становился тем меланхоликом, каким его обычно привыкли видеть.

— А чего он про какой-то веник лопотал? — вспомнил папа Боря. — Бредил, что ли?

— Не знаю. Возможно... — пожал плечами дядя Слава.

Утром перед завтраком дядя Слава сделал Толику второй укол. Температура у него снизилась. До тридцати восьми. Ну, это же не сорок с гаком. Все ушли в столовую, пообещав принести ему завтрак в палату.

Возвращаемся, а Толика нет как нет. Ещё сюрприз! Пора грузиться в автобус, ехать к поезду на Херсонский вокзал, а Толика и след простыл. Туда, сюда — словно испарился. Воспитатели не знают, что и думать, куда бежать, где его искать?

Мама Люба нервничает. Папа Боря психует. Дядя Слава клянёт себя, что оставил больного мальчика без присмотра.

И тут он объявляется, виновник переполоха. Собственной персоной. На лице довольная улыбка, а в руках — веник.

Обыкновенный веник, которым метут полы. Правда, новый. Южный. Пышный. Добротный.

— Это ещё что такое? — изумилась мама Люба.

— Веник, — простодушно ответил Толик. А мама Люба не врубается:

— Вижу, что веник... Зачем он тебе сейчас?

— Я его с собой возьму, — сказал Толик.

— Как с собой?! Для чего? — никак не может взять в толк мама Люба.

— Маме повезу, — сказал Толик.

Ещё новость! Он повезёт веник маме!.. Из Скадовска в Москву! Что за фантазия?! Мама Люба растерялась, не знает, как реагировать, что сказать. И папа Боря не знает. И дядя Слава. Стоят, переглядываются. Может, Толик действительно бредит?

— Маме? — переспросил дядя Слава. — Зачем он ей?

Вопрос — глупее не придумаешь, да? Впрочем, Толик горазд кого угодно загнать в тупик своими вывертами.

— Как зачем? — удивился он, не ожидавший от доктора такого дурацкого вопроса. — Пол подметать. Я подарю ей веник, она будет пол мести. И каждый раз обо мне вспоминать.

Дядя Слава, поражённый таким разумным ответом, больше ни о чём не спрашивал.

— Да откуда у тебя этот веник, горе ты моё?! — в сердцах воскликнула мама Люба.

— Клавдия Семёновна дала...

— Я схожу на склад, выясню, — вполголоса произнёс папа Боря. — Не хватало ещё, чтобы он слямзил этот злосчастный веник. Будем расхлёбывать кашу напоследок...

Но идти никуда не понадобилось. Клавдия Семёновна сама явилась, чтобы проводить нас.

— Он не брешет, — весело объявила дородная хохлушка, обняв Толика. — Цэ я ему дала... Выпросив... Для мамы... Ну, колы так, нехай везэ маме...

Толик сел в автобус, не выпуская веника из рук. И в поезде с ним не расставался.

Он был ещё очень слаб, его сморило и клонило в сон. Мама Люба постелила ему на нижней полке, уложила, укрыла одеялом, и он тут же утух. Толик спал, крепко прижимая к щеке веник. И улыбался во сне.

Наверно, ему снилась мама.

Конечно, ему снилась мама. Кто же ещё может сниться парнишке, который едет к самому дорогому на свете человеку и везёт в подарок роскошный, позванивающий, словно маленькими колокольчиками, густыми сухими ветками веник, честно выпрошенный у лагерного завхоза. Только мама и может сниться.